

причинам, о них умалчивала пропаганда. Материалы всех судов над военными преступниками были засекречены в СССР, даже родственники жертв не имели к ним доступа. Поэтому многие суды над военными преступниками не включены в российскую культуру памяти и почти неизвестны обществу. Однако с 2019 г. российские властные институты обратились к этой теме. В частности, обнаружение массовых захоронений в рамках поисковых работ вызвало интерес к теме нераскрытых преступлений нацизма (например, преступления Холокоста в поселке Змиевская Балка Ростовской области и др.). Уже начаты новые расследования, ведь преступления нацистов не имеют срока давности. Вероятно, привлечь виновных к ответственности и не удастся по причине их смерти, но в ходе работы криминалистов могут быть рассекречены архивные судебные материалы 1940-х гг., выявлены неизвестные места массовых захоронений жертв Холокоста, установлены имена жертв и преступников.

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ БССР В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ 1941 Г.

Е.А. Гребень

Аннотация: В статье характеризуются специфические моменты, отраженные в воспоминаниях жителей Беларуси относительно начального периода германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Отмечается, что основными сюжетами воспоминаний очевидцев событий 1941 г. являются события начала войны, прохождение германской армии через населенные пункты, в которых проживали информанты, восприятие первых увиденных немцев, раздел колхозной земли, скота и инвентаря, создание коллаборационной администрации. Минимальное количество сюжетных линий объясняется тем, что события начала германской оккупации вытеснены драматическими событиями 1942–1944 гг., когда жители оккупированных территорий столкнулись с экстремальной повседневностью.

Ключевые слова: оккупация, Беларусь, воспоминания.

GERMAN OCCUPATION OF THE BSSR IN THE MEMOIRS OF EYEWITNESSES IN 1941

Abstract: Specific moments, which are reflected in the memories of the inhabitants of Belarus, regarding the initial period of the German occupation of Belarus in 1941–1944 is described in the article. It is noted that the main plots of the eyewitnesses' events memories of 1941 are the events of the war beginning, the passage of the German army through the settlements in which the informants lived, the perception of the first Germans seen, the division of collective farm land, livestock and equipment, the creation of a collaboration administration. The minimum number of storylines is explained by the fact that the events of the German occupation beginning were supplanted by the dramatic events of 1942–1944, when the inhabitants of the occupied territories faced with extreme everyday life.

Keywords: occupation, Belarus, memories.

Германская оккупация Беларуси 1941–1944 гг. – незначительная по продолжительности, но наиболее трагическая часть национальной истории. Для объективной реконструкции событий Великой Отечественной войны, помимо архивных документов, большое значение имеют воспоминание очевидцев. Если документы оккупационной администрации и Сопrotивления формируют общий фон оккупации, то воспоминания часто показывают, как было в реальности, дают «человеческое измерение» войны. Каждый период оккупации имеет свою специфику. В частности, спецификой воспоминаний очевидцев германской оккупации относительно 1941 г. является незначительное количество сюжетных линий.

Информанты (в подавляющем большинстве сельские жители на тот момент) по-разному получали информацию о начале войны. Кто-то узнавал о ней по радио, другие (если в населенном пункте не было радиоточки) понимали, что началась война, видя мобилизацию мужчин в армию. Реакцией на начало войны был страх, но люди надеялись, что война не продлится долго¹. Стремительное продвижение вермахта, выброс десантов в тылу Красной Армии вынуждало часть резервистов расходиться по домам². Жительница Витебского района упоминает немецких диверсантов, одетых в красноармейскую униформу, которые спрашивали дорогу³. Некоторым мирным жителям приходилось временно оставлять деревню, если она находилась на пути вероятного наступления немцев, и прятаться где-либо, захватив скот и другое имущество⁴. В то же время большинство граждан встретило приход вермахта в своем населенном пункте.

В воспоминаниях достаточно редко встречаются описания боевых действий летом 1941 г., в отличие от событий 1943–1944 гг., когда фронт приобрел стабильные очертания в восточной Белоруссии и продолжительное время велись позиционные бои. Упоминаются лишь бомбежки крупных населенных пунктов или деревень, возле которых размещались военные объекты (аэродром, например)⁵. В ряде воспоминаний содержится описание отступления советских солдат, бросавших транспорт, оружие и амуницию. Солдаты-окруженцы (некоторые впоследствии остались на оккупированной территории и женились на местных женщинах), заходили в деревни за продуктами⁶. Брошенное оружие подбирали дети и подростки, часто не осознавая для чего, очевидно, просто движимые любопытством. Информант, которая была в то время комсомолкой, объясняла действия молодежи желанием сохранить военное имущество, причем она и ее знакомые в тот момент не ду-

¹ Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г. р.; записаны 9 сентября 2014 г. в г. Верхнедвинске. Аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора; воспоминания Буртыля Степана Васильевича; воспоминания Калиновой Ольги Афанасьевны.

² Воспоминания Буртыля Степана Васильевича.

³ Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г. р.; записаны 14 августа 2008 г. в д. Мазолово Витебского района. Аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

⁴ Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г. р.; записаны 18 апреля 2014 г. в д. Жигули Верхнедвинского района. Аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

⁵ Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г. р.; записаны 9 сентября 2014 г. в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись (58 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора; воспоминания Калиновой Ольги Афанасьевны.

⁶ Воспоминания Калиновой Ольги Афанасьевны.

мали, что оружие позднее пригодится партизанам¹. Во всех воспоминаниях фигурируют немецкие военнослужащие. Контакты с немцами летом – осенью 1941 г. были спорадические, по мере продвижения вермахта на восток. Немцы в населенных пунктах не задерживались надолго. Воинские части накатывались волнами, потом их резко не стало². В ряде случаев описания соответствует стереотипическому образу немцев в советских кинофильмах: шли расслабленные, оружие на подводах, играли на губных гармошках³. Одному информанту запомнились исходящий от немцев аромат парфюмерии и чистая униформа («только в кино, и то не во всяком показывают») ⁴. По отношению к местным жителям немцы вели себя по-разному. Изредка немцы просили продукты, но чаще всего в воспоминаниях отмечается мародерство: немецкие солдаты сбивали прикладами замки, забирали продукты, ловили домашнюю птицу⁵. По словам жительницы Лепельского района, немцы «бить не били, но брали все»⁶. Жительница Городокского района рассказывает, что проезжавшие на мотоциклах через деревню немцы разорили сельский магазин и аптеку, и потом неделю их не было, при этом сельсовет какое-то время продолжал работать. Информант вспоминает, что люди удивлялись необходимости копать противотанковые рвы, если танки могли их объехать по полю. Во время работы людей обстреливали самолеты⁷. Жительница городского поселка Освея Верхнедвинского района характеризует поведение немцев следующим образом: «Мне что запомнилось? Это ж июнь месяц был. Всю картошку немцы вырыли. Ну, у них какие-то консервы, и варили. Смеялись, себя вели развязно так. <...> Где хотели... ходит утка или курица, они возьмут, даже без спроса, без всего»⁸. Порой немцы проявляли осторожность. Жительница Верхнедвинского района упоминает, что

¹ Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича, 1927 г. р.; записаны 4 июля 2009 г. в д. Островские Витебского района. Аудиозапись (54 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора; воспоминания Калиновой Ольги Афанасьевны.

² Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны; воспоминания Васильева Владимира Яковлевича.

³ Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича.

⁴ Воспоминания Дмитраченко Федора Александровича, 1928 г. р.; записаны 4 июля 2009 г. в д. Заполье Витебского района. Аудиозапись (1 час 45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

⁵ Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича; воспоминания Сандар Галины Евдокимовны; воспоминания Марченко Марии Федоровны.

⁶ Воспоминания Бороденок Татьяны Ивановны, 1926 г. р.; записаны 13 августа 2007 г. в д. Медвёдовка Лепельского района. Аудиозапись (1 час 25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

⁷ Воспоминания Калиновой Ольги Афанасьевны.

⁸ Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны.

немцы, требуя молоко, не пили первыми, пока не отпивала ее мама¹. Как правило, в воспоминаниях относительно событий 1941 г. не содержится информации об убийствах, хотя в отдельных случаях уничтожались мужчины-коммунисты². Изредка информанты упоминают лояльное отношение к местным жителям (немецкий солдат показывал семье информанта фотографии своих детей)³. Следующая сюжетная линия в воспоминаниях 1941 г. связана с разделом колхозного имущества. Ликвидация привычной системы власти порождала растерянность, непонимание как дальше поступать, например, с урожаем: собранный урожай разделялся между крестьянами, часть позднее приходилось отдавать немцам⁴. Житель Витебского района сообщает, что в подобной ситуации крестьяне направили знающего немецкий язык односельчанина в германскую комендатуру за разъяснениями. Немцы разрешали убрать урожай, оставив часть себе⁵. Колхозная земля или делилась между крестьянами, или же каждая семья брала себе надел, какой могла обработать⁶. Если землю распределяли организованно, мог приниматься в расчет факт вступления в конкретный колхоз жителя деревни. Например, житель Лепельского района рассказывает, что его мать не получила землю и скот, поскольку на момент создания колхоза не принимала участия в его создании; землю выделили только его отцу⁷. Аналогично производился и раздел скота и инвентаря. Если не хватало на все семьи, одна лошадь могла закрепляться в пользование за несколькими (например, за пятью) семьями одновременно⁸. Или же безо всякого раздела граждане могли брать разбежавшийся в ходе эвакуации колхозный скот⁹. Воспоминания относительно событий 1941 г. не дают информации о размерах и формах сбора налогов с крестьян. Возможно, это объясняется тем, что в рассматриваемый период система экономической эксплуатации оккупированных территорий СССР находилась в процессе становления, и гражданское население не было информировано о порядке взимания налогов.

В воспоминаниях относительно событий 1941 г. фигурируют сельские старосты и полицейские. Традиционно информанты не дают ответ, почему конкретный гражданин стал сотрудником коллаборационной администра-

¹ Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны.

² Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны.

³ Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны.

⁴ Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича.

⁵ Воспоминания Дмитраченко Федора Александровича.

⁶ Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны; воспоминания Васильева Владимира Яковлевича

⁷ Воспоминания Буртыля Степана Васильевича.

⁸ Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны.

⁹ Воспоминания Санковской Лидии Васильевны, 1927 г. р.; записаны 11 августа 2008 г. в г. Витебске. Аудиозапись (1 час 7 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

ции, ограничиваясь оценкой: «плохой» / «нормальный» староста. Нередко гражданин избирался односельчанами старостой, причем не всегда с его согласия¹. Не удалось выявить четкой взаимосвязи между замещением должности старосты и репрессиями со стороны Советской власти к конкретному гражданину («обыкновенный колхозник»). При этом информанты упоминают о необходимости угождать старосте (самогон, угощение), если член семьи был коммунистом². В ряде воспоминаний информанты сообщают, что староста до войны был бригадиром колхоза, коммунистом³. Жительница Лепельского района сообщает, что староста не выдал ее брата, который был коммунистом, но в соседней деревне таких граждан выдавали⁴. Только в одном случае характеристика «ярый» полицейский объясняется тем, что он пострадал от ликвидации хуторов крестьян-единоличников, поэтому выдавал советских активистов⁵. К фигурирующим в воспоминаниях сведениям о том, что старостами были по очереди, следует относиться критически. Представляется, что подобная практика имела место не ранее 1942 г., когда замещение должности было связано с риском для жизни со стороны партизан⁶. В воспоминаниях 1941 г. содержится мало подробностей об оккупационном быте. Подавляющее большинство информантов были сельскими жителями. Можно предположить, что для горожан материальные проблемы возникли раньше. В сельской же местности в первые месяцы оккупации привычный уклад мог измениться не кардинально. Еще хватало продуктов, не был отлажен механизм их масштабного изъятия. С довоенных времен еще оставались какие-то промтовары. Характерные для 1942–1944 гг. трудности быта, распространение инфекционных заболеваний в рассматриваемый период не отмечаются. Гражданское население пока не столкнулось с массовыми репрессиями немцев, как во время масштабных карательных операций последующих лет.

В ходе интервью с очевидцами нередко возникает проблема датировки описываемых информантами событий. В ряде случаев информанты начинают рассказ об оккупации с более поздних событий, поэтому приходится ак-

¹ Воспоминания Лабутя Вячеслава Иосифовича, 1929 г. р.; записаны 7 ноября 2008 г. в д. Расины Браславского района. Аудиозапись (15 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора; воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны; воспоминания Марченко Марии Федоровны; воспоминания Калиновой Ольги Афанасьевны.

² Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны.

³ Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича; воспоминания Дединкиной Зинаиды Ермолаевны, 1920 г.р.; записаны 24 августа 2009 г. в д. Малые Трубачи Витебского района. Аудиозапись (1 час 21 минута на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

⁴ Воспоминания Бороденок Татьяны Ивановны.

⁵ Воспоминания Буртыля Степана Васильевича.

⁶ Воспоминания Санковской Лидии Васильевны.

центрировать их внимание на первых месяцах оккупации. Незначительность количества сюжетных линий относительно 1941 г. можно объяснить тем, что начало оккупации вытеснено гораздо более травматическими воспоминаниями о последующих периодах оккупации, когда, начиная с 1942 г., угроза для жизни людей становится массовой, когда, в ответ на рост движения Сопротивления, немцы начинают проводить масштабные карательные операции, угонять граждан на принудительные работы в Германию, заключать в концлагеря. Карательные операции – своеобразный водораздел между относительно спокойным существованием жителей конкретной деревни и временем, когда существовала перманентная угроза лишиться жизни.

МЕСТО МАССОВЫХ УНИЧТОЖЕНИЙ МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

А.Е. Долговский

Аннотация: В статье рассматривается история создания места массовых уничтожений Тростенец, которому была отведена важная роль в системе национал-социализма. Депортации западноевропейских евреев в контексте «окончательного решения еврейского вопроса» следует рассматривать, как определяющие факторы для создания места массовых уничтожений Малый Тростенец в частности лагеря для принудительного труда и крупнейшего на оккупированных территориях Советского Союза расстрельного места в урочище Благовщина. Песчаная поляна в лесу стала также местом убийств евреев Минского гетто, заключенных местных тюрем, подозреваемых в сопротивлении, партизан и подпольщиков и просто заложников из числа мирных граждан. После уничтожения следов преступлений в Благовщине массовое уничтожение было продолжено в печи-крематории в урочище Шашковка вблизи лагеря и непосредственно на его территории в сарае. В советской культуре памяти Тростенец был представлен выводами советской Чрезвычайной Государственной Комиссии о массовом уничтожении мирных советских граждан. Вследствие постсоветской транснациональной мемориализации его история лишь в последние годы становится достоянием широкой европейской общественности.

Ключевые слова: место массовых уничтожений Малый Тростенец, Минское гетто, депортации евреев из Западной Европы в Минск.

THE EXTERMINATION SITE MALYJ TROSTENEC: ON THE HISTORY OF CREATION

Abstract: The article examines the history of the establishment of the Trostenec mass extermination site, which was given an important role in the National Socialist system. The deportations of West European Jews in the context of the “final solution of the Jewish question” should be seen as determining factors in the creation of the Malyj Trostenez mass extermination site, in particular the forced labour camp and the largest extermination site in the occupied territories of the Soviet Union in the Blagovščina forest. The sandy clearing there was also the site of the murders of Jews of the Minsk ghetto, local prisoners suspected of resistance, partisans and underground fighters, and simply civilian hostages. After the elimination of traces of crimes in Blagovščina, the mass extermination was continued in a primitive furnace-crematorium in the Šaškovka forest near the forced labour camp and directly on the camp grounds in a barn. In Soviet memory culture Trostenec was represented by the of the Soviet Extraordinary State Commission conclusions about the mass extermination of peaceful Soviet